

– Простите? – голос её звучал холодно.

– Марина! Сколько лет... – широкая улыбка расплзлась по его лицу.

Кругом сновали прохожие, была обычная вечерняя толчея, кто-то задел его плечом, но он даже не обернулся. Он смотрел только на неё.

Она чуть нахмурила брови, словно пытаясь вспомнить. Затем покачала головой:

– Вы меня с кем-то спутали.

Он опешил. Но ошибки быть не могло. Всё те же серые лучистые глаза, каштановые волосы... Та же манера прикусывать краешек верхней губы. Это была она.

– Маринка! Это же я, твой Марк. Неужели забыла?

Она смотрела на него ровным взглядом. Ни проблеска узнавания, ни намёка на былые чувства. А уж чувства-то бушевали о-го-го – в своё время! Такое не скоро забудешь.

– Боюсь, вы обознались, – ответила она всё так же бесстрастно. – Я впервые вас вижу.

Он разглядел тонкую полоску светлой кожи на её переносице. Глупая случайность, так уж вышло. Сколько раз он потом целовал её в этот шрамик, тогда, давно, в добрые старые времена. Да и позже, когда ему уже это было не нужно.

– Марин, ты что, шутишь?

– Молодой человек, знайте меру. Мы с вами незнакомы, и я не Марина. Дайте пройти.

Она решительно повернулась, но он схватил её за рукав.

– погоди! А как же... Ведь мы... Я о тебе вспоминал. Лунная дорожка в лагуне? Сад камней? Помнишь?

Происходящее не укладывалось у него в голове. Марина, та самая Марина, что когда-то смотрела на него умоляющим взглядом, та, что ловила каждое его слово, плакала, упрашивая о встрече, ещё одной, совсем-совсем последней встрече – теперь стояла перед ним как чужая, совсем посторонняя женщина.

Конечно, прошло десять лет. Она, должно быть, утешилась, нашла себе кого-нибудь под стать, такого же нытика. Все они в конце концов утешаются. Юность длится недолго. Нельзя вечно жить на разрыв, балансируя на краю бездны. Рано или поздно включается голова, и всем им становится ясно: никакой бездны нет. Есть лишь разные тропы – лабиринт переплетённых дорожек. Не повезло на одной, что ж, сверни на другую, надоест – поверни на третью. Как у Борхеса, сад каких-то там тропок. Всё просто и всё понятно. Но ведь память-то остаётся?

– Уберите руку сейчас же. Не то я позову полицию.

– Ну, как знаешь, – ладонь его разжалась.

Не оборачиваясь, она пошла прочь, а он всё глядел ей вслед. Давно уж затих цокот её каблучков по асфальту, давно она скрылась из виду, а он всё ещё стоял, растерянный, оглушённый.

Потом встряхнулся, помотал головой, силясь прогнать наваждение.

– А хороша, чертовка! – проворчал он с усмешкой и, засунув руки в карманы, продолжил прерванный путь.

Ну её к дьяволу. Не хватало из-за неё опоздать на деловой ужин. Фирма и так еле держится на плаву. Вся надежда на Егорову доброту. Как-никак, старый приятель, хоть и конкурентом теперь заделался. Ну а эта... Пусть катится далеко. Прав он был десять лет назад. А теперь вот свалил дурака. Захотел стать добрее, проявить человечность. Сентиментальность, что ли, прорезалась на четвёртом десятке? Тьфу.

* * *

Переговоры прошли успешно. Условия, выдвинутые Егором, были жёсткими, но в пределах разумного. С французами придётся распрощаться, едва истечёт контракт. Божоле и шабли отпадают полностью, все надежды отныне только на испанских поставщиков. Что ж. Пусть так. Он опасался худшего и теперь с облегчением перевёл дух. Лопух всё-таки Егор. Продешевил.

Стены офиса, отделанные пластиком цвета морской волны, казалось, дышали спокойствием. Мысленно Марк в сотый раз похвалил себя за то, что не прислушался к советам дизайнеров. Вся эта их болтовня о современных стилях, креативных подходах и модных тенденциях – просто попытки набить себе цену.

Конечно, для ланчей и ужинов с бизнес-партнёрами офис не очень годился. Но рестораны Марк не любил, а в родных стенах всегда чувствовал себя увереннее. Конкуренты? Партнёры? Плевать на них всех. Пусть приспособливаются!

Егор, откинувшись в вертящемся кресле, смотрел с улыбкой.

– Что, Марк? Перетрусил маленько? Напрасно. Ведь мы же полжизни знакомы. Не стал бы я тебя топить.

– Знаю, – он неспешно кивнул. – Сейчас кругом акулы. Но ты не из таких. Я всегда это знал.

Секретарша принесла кофе.

– Как сам-то? – спросил Егор, помешивая ложечкой сахар. – Не наскучила вольница?

– Да что там! – Марк молодецки расправил плечи. – Второй год никто не зудит над ухом. Тишь да гладь. Как ушла Вика – хоть человеком себя почувствовал. Вспомнил молодость.

– Гусь ты лапчатый, – беззлобно усмехнулся Егор. – Молодость! Как же...

– А что? – с шутливым вызовом хмыкнул Марк. – Я ещё хоть куда!

В глубине души он и вправду считал себя хоть куда, несмотря ни на явственное брюшко, ни на расплывшуюся всё шире плешь. Глупо мерить молодость годами, а тем более килограммами. Молодость – состояние души, ну а душа ему досталась крепкая. Не болит и не ноет, не то что у некоторых.

– Знаешь, Егорушка, кого я сегодня встретил? – с неожиданной для себя откровенностью проговорил он.

– Ну?

– Маринку! Помнишь такую?

– Погоди... Это которая тебе проходу не давала ещё в ту пору?

– Она самая. Моталась за мной по всей стране. Еле отбился.

Егор покачал головой – не то с ностальгией, не то с иронией:

– Любовь... великое чувство.

Марк поморщился:

– Хороша любовь – под ногами путаться, жизнь людям отравлять. Ясно же: мешаешь – уйди, прошло твоё время. Нет, она всё чего-то хотела, истерики закатывала, клятвы эти дурацкие. Как вспомню, до сих пор передёргивает.

Он залпом допил кофе.

– И что Маринка? – любопытно спросил Егор. – Снова в объятия просится? Небось, уж в страшилище превратилась?

– Представь себе, нет, – сказал Марк, помедлив. – Не изменилась почти. Будто ей по-прежнему двадцать. Красотка! Жаль только, не в моём вкусе. Что-то всегда в ней было отталкивающее... Но странно другое. Она меня не признала!

– В смысле?

– Говорит: пропустите, вы обознались. Со мной – на «вы», представляешь? Я говорю: ты чего? А она так небрежно: вы вообще кто, знать вас не знаю. И смотрит на меня равнодушно, как на выброшенный окурок.

Егор озадаченно потёр переносицу.

– Может, и впрямь ты её с кем-то спутал? С младшей сестрой, например.

– Да не было у неё никаких сестёр, ни старших, ни младших. Что ты думаешь, я Маринку бы не узнал? После того, как она мне всю душу проела? Она это, тебе говорю. Вот только глаза у неё изменились. Раньше в них что-то собачье было, преданность эта поганая. Дескать, бей меня, гони меня, а я всё равно твоя. Терпеть таких не могу. А теперь у неё взгляд другой. Не знаю даже, как описать. Интересная она стала, вот что.

– Ну-ну, – Егор поднялся из-за стола. – Может, это ты сам изменился? Перестал на людей как на собак смотреть?

Марк пропустил колкость мимо ушей.

– Понимаешь, обидно, Егорушка. Я ж ей обрадовался, в кои-то веки. Даже мысль мелькнула пойти на попятную, позвать в ресторан там, то-сё, поговорить по-нормальному. Думал, будет на седьмом небе от счастья. А она...

– Ты извини, конечно, – сказал Егор резко. – Но и сам ты давно уж не Аполлон, да и ей вся эта ваша свара дорого обошлась. Два года ходила как в воду опущенная.

– Ты откуда знаешь? – изумился Марк. – Ты что, с ней общался? После того, как мы?..

– Говорю – значит, знаю, – пресёк расспросы Егор. – Остальное не твоё дело. А чего ты, собственно, взвился? Или сам теперь за ней бегать будешь?

Марка аж передёрнуло:

– Ещё чего, ерунда какая! Чтобы я, да за ней... Пф-ф! Просто встреча меня из колеи малость выбила. Завтра уж и думать забуду. Сказанул тоже: бегать! Мне того раза – вот так хватило!

Он провёл ребром ладони по горлу.

– Ну вот и славно, – подытожил Егор. – А вообще мой тебе совет: к окулисту сходи. Вдруг и впрямь обознался. Бывают люди похожие, факт. Чарли Чаплин на конкурсе собственных двойников занял лишь третье место.

* * *

Она прислонилась к двери спиной. Замерла. Постояла, не зажигая света. Саша, наверное, дома.

Она никак не могла отдышаться. В мыслях был полный сумбур. Ноги гудели от быстрой ходьбы.

– Марин, ты? – Сашин голос, добрый, уютный.

Она не ответила.

«Что делать? Что же делать?» – тревожно билось в мозгу.

Послышались шаги. Саша вышел в прихожую и с удивлением остановился.

– Что случилось?

– Я... – у неё не было сил продолжать.

– Марина?

Она шагнула к нему, прильнула к его плечу. Слезы сами собой потекли по щекам.

– Да что, чёрт возьми...

Она прикрыла ему рот ладошкой.

Наконец, совладав с собой, прошептала:

– Мы должны переехать...

Объяснений больше не требовалось.

– Опять?! – защитник разом обратился в разъярённого зверя.

Она отступила на шаг.

– Иначе нельзя.

– Ты с ума сошла? – сдерживая гнев, спросил Саша. – Срываться с места, опять в другой город, начинать всё с начала? Из-за того, что тебе примерещился этот урод?! Ты думаешь, о чём говоришь?

– На этот раз это точно был он, – сказала Марина негромко.

Она облокотилась на вешалку, скрытую куртками и пальто.

– В Томске ты то же самое говорила. Помнишь? Я потом навёл справки. Он в тот день был вообще за границей. Бизнесмен хренов!

– Это точно был он, – повторила Марина. – Он со мной говорил. На проспекте Победы.

Саша умолк.

– Говорил: «Я твой Марк, детка, помнишь меня?»... и всё такое. Я... я думала, что на месте умру...

– Послушай, – Саша мягко тронул её за плечо. Теперь он тоже говорил тихо. – Марина, пусть это он. Что с того? Мы должны всё сломать? Уничтожить, бежать на край света? Оттого лишь, что этот подонок вдруг попался тебе на глаза? Да, может, он здесь проездом! Завтра

будет за тысячу вёрст! И вообще, он спустя пять минут небось забыл напрочь о вашей встрече!

Марина дёрнулась, как от пощёчины.

– Ты не понимаешь, – сказала она. – Я так не смогу. Мне здесь тесно...

– Да? – ярость снова захлестнула Сашу. – А ты забыла, как трудно нам пришлось после Томска? Чего стоило здесь обустроиться? Жильё, работа, соседи – всё с нуля! И что дальше? Мы исчезнем, словно преступники, затаимся в какой-нибудь поганой дыре и всю жизнь будем в страхе озираться по сторонам – вдруг опять судьба занесёт мерзавца в наши края? Тесно тебе? А на планете Земля тебе с ним не тесно?

Саша многое мог добавить. Вспомнились прежние годы. Как ему, квалифицированному проектировщику, приходилось хвататься за любую подёнщину. Ночным сторожем, штукатуром, мойщиком окон... Как Марина, талантливый репетитор, в одночасье осталась без учеников. И скольких трудов стоило уладить дело с возмущёнными родителями брошенных школьников...

Марина опустила голову.

– Я всё поняла, – сказала она. – Ты можешь остаться. Я уеду, ты оставайся.

– Брось, – сказал Саша. – Пойми. Так нельзя. Нельзя всё время жить прошлым. Пора подвести черту. Дело не в том, что он встретился тебе на улице. А в том, что ты сама таскаешь его за собой повсюду – в сердце, и в голове, и в шкатулке своей треклятой, которую нельзя открывать. Хватит, Марин. Пора отпустить его. И тогда он отпустит тебя. Достаточно он отравлял наше счастье!

Марина посмотрела ему в глаза. Усмехнулась:

– Ты и вправду считаешь, что мы были счастливы?

Саша осёкся. Лицо его пошло красными пятнами.

– Но... – начал он.

– Я тебя поняла, – повторила Марина спокойно.

– Хочешь, я его просто убью? – он сжал кулаки. – Убью, раздавлю, как последнюю гадину...

– И сядешь на двадцать лет? – Марина покачала головой. – Он того не стоит. И я тоже.

– Я тебя люблю, – сказал Саша.

Слова его прозвучали невыразительно, повисли в воздухе, словно дым от докуренной сигареты.

– Успокойся, – сказала Марина бесцветно. – Мы не будем переезжать. Прости меня. Я переволновалась. Скоро уже всё пройдёт.

Саша нежно погладил её по волосам.

* * *

Ночью Саша проснулся от странного чувства. В первое мгновение он даже не понял, что не так. Потом осознал: тишина. Тишина была необычной – гнетущей, враждебной, чужой.

Саша рывком сел на постели. Марины рядом не было.

– Господи!

Он вскочил, зажёл свет. Бросился на кухню, в ванную... Дом был пуст.

На виске застучала жилка.

– Сбежала? Но куда? Среди ночи?

Он представления не имел, где она могла бы искать прибежища. Ни родных, ни подруг... Никого!

Трясущейся рукой он нашарил мобильник, нажал вызов... Сигнал зазвучал с соседней тумбочки. Саша дал отбой.

Что делать? Обратиться в полицию? Но примут ли там заявление? В любом случае, потребуются приметы. В чём она ушла?

Он лихорадочно забегал по квартире. Одежда... Вчерашнее платье, сумочка... Ах, чёрт!

У Саши упало сердце. Исчезла шкатулка. Та самая шкатулка резного дуба – единственная вещь, которую Марина таскала с собой при всех переездах. Шкатулка, которую она никогда при Саше не открывала.

За все эти годы он так и не вызнал, что там хранится внутри. Старые бумажные письма? Подаренные подонком серьги? Какой-нибудь засушенный в память о сдохшей любви цветок? Лучше просто не знать.

Саша ненавидел эту шкатулку. Но её исчезновение dokonало его окончательно.

Он тяжело опустился на кровать, сжал руками колени и едва не зарычал от бессильной ярости.

В прихожей что-то щёлкнуло.

Сашу словно пружиной подбросило.

В коридоре он увидел Марину. Глаза её светились шальным огнём. Ладони были испачканы сажей. Чёрные следы были и на платье. Пахло гарью.

– Где ты была? – хрипло спросил Саша и не узнал свой голос.

– На пустыре, – сказала Марина. А потом, бросив на Сашу безумновосторженный взгляд, протянула обе ладони: – Сожгла своё прошлое! Радуйся!

Он ушам не поверил.

А Марина, скинув пальто прямо на пол, засмеялась легко и заливисто.

– Ты ведь... этого хотел? – простонала она сквозь смех. – Всё! Свобода! Не надо бежать! Начинается новая жизнь!

Захлёбываясь смехом, она бросилась к Саше, обняла его крепко, как никогда прежде, и приникла губами к его губам.

Что было дальше – он мог вспомнить с трудом. Память сохранила лишь обрывочные картины, словно взбесившийся фотограф раскромсал ножницами пачку цветных фотоснимков. Летящая во все стороны одежда. Запрокинутая зыбь бесстыжего зеркала. Лицо Марины близко-близко, шрамик на переносице, серые искрящиеся глаза...

Новая картина всплывает рывком: они оба, завернувшись почему-то в махровые полотенца, сидят на полу в гостиной и пьют шампанское из высоких бокалов.

И ещё один кадр: Марина бросает бокал в окно, за которым чернеет бездонная ночь. Звон стекла, прохладное дуновение ветра.

– На счастье! – смеётся Марина. – С новым счастьем! Первый день новой жизни... Первая ночь!

– Марина! – зовёт её он.

– С нуля... начнём, вместе... Ребёнка усыновим наконец... – бессвязно шепчет она. – Всё у нас с тобой будет...

Саша отстраняется мягко. Молчит. «Ребёнка»... Вот оно что...

– Ведь правда? – Марина улыбается, глядит ему прямо в глаза.

– Конечно, – слова даются Саше с трудом. – Мы так давно этого хотели.

Надо добавить ещё что-то, чувствует он. А впрочем, зачем?..

Марина зябко поводит плечами. Глаза её закрываются, голова бес- сильно клонится на грудь.

– Марина? – Саша бережно берёт её на руки, переносит на кровать, укрывает тёплым одеялом.

– Ты хотел... назвать Димой, – шепчет она, засыпая.

Он целует её в щёку. На губах горчит сажа.

* * *

Больше он Марину не видел.

Наутро постель оказалась пуста. Сквозь разбитое стекло дул свежий ветер, пронизывая холодом до костей. Пол был усыпан стеклянной крошкой.

Одежда из коридора исчезла. Ни следов, ни прощальной записки Саша так и не обнаружил. Полиция тоже ничего не нашла. Лейтенант Гавриленко хмыкнул: «Дело житейское» и ушёл писать рапорт. Вот и весь розыск.

Только на пустыре за домом, среди палой листвы, Саше попалась под ноги обгорелая деревяшка: всё, что осталось от треклятой шкатулки.

Опустившись на корточки, Саша тщательно осмотрел находку. Под обугленной деревяшкой обнаружилась горсть серого пепла и потускневшая золочёная фигурка: ящерица, вцепившаяся зубами в собственный хвост. По спине ящерицы узорчатой вязью шла гравировка. Саша с трудом различил крошечные буквы: «Марина и Марк – как волна и луна, вовеки любовь их сердцам суждена!».

Позолота на хвосте ящерицы слезла, обнажив тусклую бурую медь. Дешёвка. Вульгарная бессмысленная дешёвка.

Саша плюнул себе под ноги. Ящерицу опустил в карман куртки, а труху развеял по ветру.

* * *

Двери детдома захлопнулись глухо. Раздвижные тяжёлые двери. (Раритет, не к месту подумалось Саше.) На дворе была осень.

Третья осень. И жёлтые листья. И ветер, как той мёрзлой ночью.

Саша поёжился и крепче сжал маленькую ладошку в своей руке. Малыш, запрокинув голову в вязаной шапке, вопросительно посмотрел на него.

Саша виновато улыбнулся:

– Не бойся, Дим. Теперь всё у нас будет хорошо.

– Папа... – ребёнок запнулся. – А ты в большом доме живёшь? Высоко?

– Высоко, – кивнул Саша. – Увидишь. Теперь это наш с тобой дом. Общий.

– А мама там есть? – недоверчиво спросил малыш.

Саша вдохнул поглубже. Посмотрел в серо-синее небо, расчерчен- ное перьями облаков. Узкое тусклое облако вытянулось, стало похоже на ящерицу. Потом разделилось надвое, словно ящерица отбросила хвост.

– Нет, – сказал Саша сыну. – Нет. Но однажды...